

А.В. Усольцев

**Социальная политика на территории
Алтайского горного округа
в 20–начале 60-х гг. XIX в.**

Вопросы социальной политики на территории Алтайского горного округа частично рассматривались в работах А.П. Бородавкина, Т.И. Агаповой, А.Н. Жеравиной, А.Т. Топчего, З.Г. Карпенко, Т.Н. Соболевой и других авторов. Однако специальных исследований по этой теме до сих пор не проводилось [1–14]. Между тем её научная актуальность едва ли может вызывать сомнения. В XX в. целенаправленно проводимая социальная политика стала одной из главных составляющих государственной политики в целом. В связи с этим исторический опыт осуществления социального обеспечения на территории Алтайского горного округа уже в первой половине XIX в. представляет большой интерес. Это будет способствовать, на наш взгляд, лучшему пониманию взаимоотношений власти и общества.

Политика Кабинета собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее Кабинет. – *А.У.*) на территории Алтайского горного округа преследовала в конечном итоге одну главную цель – увеличение доходов. К началу XIX в. экстенсивный путь развития заводов в целом уже исчерпал себя, и начальство начало поиски путей дальнейшего повышения производительности.

Как представляется, иерархия целей Кабинета выстраивалась следующим образом: повышение производительности заводов, увеличение численности рабочих, максимальное самообеспечение округа всем необходимым (снижение издержек в непроизводственной сфере). Повышение производительности включало в себя, с одной стороны, рост валового производства, а с другой – сокращение потерь по технологическим причинам (здесь и борьба за сокращение угара, и проекты перехода на каменный уголь, попытки удешевления перевозок и другие технические изобретения).

Увеличение численности рабочих шло путем как новых рекрутских наборов из числа крестьян, так и путем улучшения быта рабочих. К мерам по сохранению и увеличению численности рабочих относится борьба с побегам рабочих. Постоянная угроза бегства или открытого бунта рабочих вынуждала начальство держать огромный полицейский аппарат, что

в свою очередь увеличивало издержки производства серебра. Система наказаний предусматривала наиболее суровые наказания именно за побег и попытки уклониться от службы.

Но уже в 20-е гг. XIX в. стало очевидно, что, кроме кнута, необходима и система поощрения рабочих. Кабинет (даже в период аренды Алтайских заводов министерством финансов на территории округа не могли осуществляться какие-либо проекты без его одобрения) вполне осознанно не желал идти по пути развития капиталистических форм оплаты труда. Раз введение сдельной оплаты труда было признано нецелесообразным, то приходилось искать другие варианты заинтересованности рабочих и удержать их от побегов.

Одним из таких путей и стало разворачивание системы социального обеспечения на территории горного округа. В данной статье затрагиваются различные области социальной политики – здравоохранение, социальное обеспечение, образование и сохранение нравственности нижних чинов. В каждом из этих направлений будут рассматриваться законодательство, реальное положение дел и те границы, до которых простиралась забота начальства о работниках.

Социальную политику администрации и правительства по отношению к различным слоям населения характеризуют сложность и неоднозначность. С одной стороны, бюрократический аппарат жестоко и бездушно обращался с населением горного округа, что и нашло отражение в произведениях представителей народной историографии [10; 13; 14].

С другой стороны, изучение архивных фондов показывает, что реальность была гораздо сложнее. Во-первых, во второй трети XIX в. главные начальники Алтайских заводов были «или выдающимися новаторами, или умелыми организаторами производства, или тем и другим одновременно» [2, с. 127–129]. Поэтому руководство горного округа проявляло заботу об улучшении быта мастеровых и крестьян. Во-вторых, в Санкт-Петербурге и в руководстве Кабинета, и в министерстве финансов понимали, что здоровых и сильных работников на заводы можно получить, только если не истощать чрезмерно крестьян и заботиться

о рабочих [15, д. 809, 813; 16; 17]. Весь вопрос был только в этой мере. Это была не забота одних людей о других, а беспокойство хозяина о своей собственности.

Это мнение вполне подтверждается историей с поездкой по Алтайскому и Нерчинскому округам по личному поручению императора графа де Сант-Альдегонда в 1834–1835 гг. Предложения графа де Альдегонда были рассмотрены императором с комментариями Департамента горных и соляных дел и Особого Сибирского Комитета. В ответ на предложение графа отменить «гульную» неделю и занимать людей работой более, с увеличением их жалованья Сибирский комитет заявил, что «не признается удобным... употреблять рабочих принужденным образом при казенных работах более, нежели теперь, или для хлебопашества, к совершенному истощению их сил» [15, д. 813, л. 119об–120]. В то же время об ограниченности социальной заботы говорит тот факт, что в Сибирском комитете считали «общее учение крестьян... ни возможным, ни удобным». А графу указали, что «и во Франции, как известно, большая часть крестьян безграмотны» [15, д. 813, л. 124]. Таким образом, раз уровень грамотности крестьян не влияет прямо на уровень грамотности, то и тратить на это даже весьма скромные средства ни к чему.

Тем не менее в округе в 30–40-е гг. XIX в. шло строительство объектов социальной сферы (результаты строительства см. в табл. 1).

Таблица 1

Объекты социальной группы	1832	1836	1845
Школы	7	13	17
Аптеки	2	2	2
Госпитали	13	20	20
Гаубвахт	2	7	7
Питейные дома	104	110	124

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 821. Л. 3–6; Д. 852. Л. 18–20; Д. 942. Л. 44–45.

Небольшая положительная динамика просматривается в росте числа школ и питейных домов. Деревянные больницы были заведены практически во всех рудниках.

Поездка графа де Сант-Альдегонда и его объемная докладная записка императору послужили толчком к поездке начальника штаба корпуса горных инженеров К.В. Чевкина для личного ознакомления с Алтайскими и Нерчинскими заводами. Положение на заводах характеризовалось как удовлетворительное –

прибыль, сверх уплачиваемой Кабинету суммы, составила 600 тыс. руб. Но прибыль могла быть еще больше, «если б ежегодный наряд 1000 пуд серебра не был слишком не соразмерен нынешней убогости и недостатку людей, или лучше сказать работников, ибо людей числом довольно, но значительнейшая их часть в физическом и нравственном отношении на степени самой низкой.

Последний предмет сей в моем понятии есть один из важнейших для будущности здешних заводов и если не принять деятельных мер, то в скором времени все народонаселение здешних мастеровых не даст и четверти соразмерного оной числа годных работников» [15, д. 809, л. 2–2об.].

Впечатления де Сант-Альдегонда и К.В. Чевкина подтверждаются антропометрическими данными рекрутов, поступавших на службу. Средний рост составлял к 1830 г. 165,4 см. В выборке данных, по которой делался расчет за 1829 г., только 3 человека имели рост выше 2 аршина и 7 вершков (173,5 см) [16, д. 17].

В записке де Сант-Альдегонда большое внимание уделяется физическому состоянию мастеровых и приписных крестьян. Так, низкая рождаемость среди рабочих и их физическая неразвитость связываются графом с нерадивым воспитанием, искусственным вскармливанием младенцев, плохой и тяжелой пищей, плохими бытовыми условиями, чрезмерной работой. Как выход предлагалось не использовать детский труд и «побуждать матерей пещись о них как должно». На что Сибирский комитет ответил, что «фабричные и заводские люди повсеместно не равняются здоровым земледельцам», хотя и предполагалось в дальнейшем рассмотреть положение рабочих [15, д. 813, л. 118об–119.].

В законодательстве забота о положении рабочих просматривается в §97 «Учреждения о управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов 1828 г». В п. 2 Кабинету вменялось в обязанность наблюдать, чтобы ручные работы «сколь можно заменены были устройством машин». А в §98 прямо говорится об обязанности Кабинета охранять благосостояние мастеровых и приписных крестьян [17].

Большое внимание уделялось профилактике оспы среди приписных крестьян. К оспорививанию привлекались не только медицинские чиновники, но и учащиеся горных школ. С приездом на Алтай доктора Геблера связано начало активной и разносторонней деятельности, направленной на создание передовой для первой половины XIX в. системы медицинского обслуживания. В Барнауле был со-

здан сад лекарственных растений, а кроме того, к сбору лекарственных растений привлекались геологоразведочные партии. Доктор Геблер организовывал и специальные экспедиции для сбора растений.

Помимо численности зданий необходимо учитывать и количество чиновников (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество	1830	1836	1845
По медицинской части	81	84	121
В горном батальоне ¹	644	1024	1049
Учащихся	698	1421	1848
Всего детей ²	3492	4518	5314
Получают пенсию	457	–	706
В богадельнях ³	27	38	73
Работников	16141	17906	20372

1. Чиновники и нижние чины.

2. Вместе с учащимися.

3. Мужчин и женщин.

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 821. Л. 29–38; Д. 852. Л. 2–14; Д. 936. Л. 46–64; Д. 942. Л. 34–38. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3286. Л. 58–93; Ф. 2. Оп. 2. Д. 7043. Л. 21–28.

Динамика роста численности детей превосходит динамику роста численности работников на 26% (в 2 раза), что можно объяснить, по всей вероятности, только припиской новых работников из числа крестьян и высокой смертностью как работников, так и их детей. Рекрутские наборы давали по 450–700 человек, но так как они происходили неравномерно, то в среднем в год приписывалось по 150–200 человек. В 1830 г. на 1 ребенка приходилось 4,7 работника, а в 1845 г. на 1 ребенка приходилось уже 3,8 работников.

С 1836 по 1856 г. для училищ было возведено 10 новых зданий [16, д. 7076, л. 432]. Одним из характерных проявлений патернализма являлась система социального обеспечения, которая включала в себя выдачу провианта семьям рабочих, «малолетам», стипендию, выплату пенсий отставным и увечным служащим и учащимся, содержание богаделен. Вполне законченный вид и правовую базу эта система получила уже к середине 1840-х гг. Активное развертывание социальных программ началось после Указа Кабинета Его Императорского Величества от 31 августа 1822 г. На основании этого Указа начальник заводов П.К. Фролов сделал предложение в Канцелярию Колывано-Воскресенских заводов, а та, в свою очередь, издала указ, который опреде-

лял создание горного училища в Барнауле и горных школ при заводах и их штатное распределение [16, д. 7044, л. 1264]. Следующим важнейшим документом, более подробно регламентирующим организацию образования, было Положение об учебных заведениях от 4 августа 1836 г. [16, д. 7045].

Забота о детях проявлялась не только в устройстве горно-сиротского отделения, но и в поощрении Горным Правлением усыновления круглых сирот [16, д. 17, л. 68]. Параграф 9 Положения об учебных заведениях 1836 г. предписывал управляющим горными конторами или приставам выбирать для этого благонадежные семейства и назначал им на содержание 1 пуд продовольствия и 1 рубль жалованья в месяц с «обязанностью надзора за сими детьми» [16, л. 9–9 об].

Дети служащих по Колывано-Воскресенским заводам, обучавшиеся в горном училище и горных школах, получали ежемесячно стипендию и провиант [17, §231]. Провианта выдавалось в школах по 1 пуду, а жалованья по 30 коп. в месяц. «Малолеты», не обучавшиеся в школе, получали только провиант – по 30 фунтов (8 кг) [16, л. 1213–1285]. Каждый пуд провианта обходился, например, в Змеиногорской школе (как не самой дешевой), в 1 руб. 33 коп. Это было, несомненно, весомой прибавкой к семейному бюджету мастеровых. Для сравнения: дети, работавшие рудоразборщиками, получали по 60 коп. жалованья в месяц. Выплаты детям, находившимся при родителях, прекратились после вступления в силу Положения 1836 г. [16, д. 7045, л. 2]. Количество учащихся не ограничивалось, принимались все дети от 7 до 12 лет.

Выплаты мастеровым и выдача им жалованья производились в соответствии с Положением о мастеровых Колывано-Воскресенских горных заводов [17, с. 434–436]. Там же определялись права рабочих на бесплатную медицинскую помощь в госпиталях, обучение детей и признание по старости или инвалидности в заводской богадельне.

На практике все это не делало жизнь «нижних чинов» сколько-нибудь сносной. И чиновники, и путешественники сходятся в том, что рабочие жили в чудовищно тяжелых условиях. Это подтверждается и обилием побегов, и тем, что мастеровые оговаривали себя в убийстве – смертном грехе с тем только, чтобы избежать заводской работы и попасть на каторгу. Начальство нашло этому адекватное противодействие – таких подсудимых «увещевал» священник, и если человек не отказывался от своих показаний, а следствие

не смогло доказать его невиновность, то он шел на каторгу [18, л. 1–1 об; д. 261, 24, л. 1–2].

Размер пенсии зависел от жалованья и определялся в соответствии с Уставом о пенсиях [19]. Особенностью выплаты пенсий было то, что они назначались не только бывшим работникам, но и их семьям. Несмотря на то, что количество получающих пенсий в период 1830–1845 гг. увеличилось с 457 до 706 человек, общая сумма выплат фактически не изменилась [15, л. 48–64].

Предметом неустанной заботы начальства была нравственность мастеровых и приписных к заводам крестьян. Консistorия требовала сведения о лицах, не бывавших на исповеди и у святого причастия [18, л. 756]. Кроме того, для вступления в законный брак требовалось разрешение начальства. Это касалось не только нижних служителей, но и офицеров.

В 1859 г. разрешения испрашивали презус Змеиногорской комиссии военного суда Аболтин и помощник межевого землемерного корпуса Мейень [16, д. 7075, л. 313, 395].

Нижние чины для венчания в обход разрешения начальства с крепостными прибегали к лжесвидетельству. При открытии этих случаев наказанию подвергались не только вступившие в брак без разрешения и свидетели, но и священники [16, д. 17, л. 116 об–118, 240–240 об]. Эти случаи побудили Тобольскую духовную консисторию издать инструкцию о необходимых документах для венчания 23 февраля 1831 г. Отныне сведения о венчаниях должны были быть за номером, подписью начальника и приложением казенной печати и доставляться к священникам специальными людьми под расписку [16, д. 17, л. 337–337 об].

Не прекращалась и борьба с пьянством. Если нарушители были замечены в пьянстве в свободное время и это не повлекло каких-либо нарушений по службе, то ограничивались «строгим внушением» [16, д. 17, л. 102, 108]. При этом, как видно из таблицы 1, количество питейных домов увеличилось со 104 до 124, что свидетельствует о декларативном характере борьбы за трезвость.

Для трудового перевоспитания в 1855 г. по повелению государя императора была создана за счет богадельной суммы арестантская рота [16, д. 7075]. Эта рота явилась фактически первым исправительно-трудовым учреждением в Сибири. Впервые, пожалуй, явно ставилась цель не просто наказать преступника

каторжными работами, а попытаться перевоспитать его. Арестанты направлялись в пределах Барнаула на те малопроизводительные работы, которые было дорого выполнять подрядным методом – выделка кирпича, ремонт дорог, постройка хозяйственных построек и т.п. Бывшие заключенные в течение 4 лет после освобождения из роты должны были находиться под надзором местного начальства или полиции [16, д. 7075, л. 61 об].

Командир роты коллежский секретарь Мануилов в своем отчете за 1859 г. так охарактеризовал успехи роты: «Из приложенной справки¹ о наказании можно видеть, до какой степени люди эти были безнравственны, по прибытии в роту первым делом изыскивают всевозможные средства сделать побег не только сами, но даже стараются уговорить и других, также грубы, ленивы, неисполнительны, уклоняются под разными предлогами от работы, прибывают в роту в рубище или совершенно нагие. Человеку непривыкшему видеть такого рода людей, погрязших в пороках и преступлениях, переносимых хладнокровно тяжкая наказания, невольно наводит страх при их присутствии и из этих-то людей к великому удивлению не только посторонних, но даже их самих, сознающих в себе подобно всем нам достоинство человека, делаются людьми кроткими с хорошей нравственностью и сделавши привычку к труду и занятиям, тогда прежний быт самих их ужасает, надобно видеть с каким сожалением они смотрят всегда на вновь прибывающих и общими силами стараются об их исправлении... бывшее удалство их видимо не проходит даром, за день и за 2 пред ненастьем они совершенно начинают слабеть в силах и жалуются постоянно на сильную ломоту в костях и при всем желании не могут выйти на работу» [16, д. 7075, л. 110–111].

В заключение Мануилов предлагал Алтайскому горному правлению отказаться от телесных наказаний и перейти к заключению в роте. Это предложение было частично реализовано. Таким образом арестантская рота стала тем местом, где не унижалось чувство человеческого достоинства рабочих Алтайских заводов.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что социальная политика, проводившаяся горным начальством на территории Алтайского горного округа в 1822–1861 гг., отличалась сравнительным многообразием форм. Определенные социальные мероприятия Кабинета

¹ От 25 до 2000 ударов шпицрутенами до прибытия в роту получили 67 чел.; от 2000 до 4000 ударов – 24 чел.; от 4000 до 6000 ударов – 14 чел.; от 6000 до 8000 ударов – 5 чел.; остальные затем 42 чел. поступили без наказания.

проводились не из моральных или этических соображений. Развертывание социальных программ преследовало главной целью повышение производительности труда. Но феодальный характер производственных отношений не позволял резко повысить ее по сравнению с XVIII в. Мастерские никоим образом не были заинтересованы в результатах своего труда, что делало усилия администрации неэффективными. В проведении самой социальной политики, механизме ее формирования обнаруживается противоречие между насаждением того, что Кабинет считал нужным, и реальными потребностями населения горного округа. Когда векторы их направленности совпадали, это давало повышение производительности. Если в этих нововведениях рабочие не видели пользы, то их проведение было мало результативно. Все вышеперечисленное накла-

дывалось также и на косность и рутинность жизни мастеровых и приписных, а как следствие – забитость нравственная и низкие духовные потребности. Таким образом удавалось только поддержать существующий уровень производства, но значительно повысить производительность предприятий и наладить сотрудничество с «нижними служителями» не удалось.

Одной из самых негативных сторон социальной политики Кабинета, несмотря на ценные и прогрессивные нововведения, было существование мелочной регламентации личной жизни. Вторжение в интимную сферу человеческих отношений и указания по проведению досуга позволяют нам отнести методы императорской администрации к характерным для авторитарных государств, каковым, по-видимому, является всякая абсолютная монархия.

Литература

1. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.
2. Гришаев В. Кто управлял нашим городом и краем (1747–1917) // Барнаул. 1995. №1. С. 127–129.
3. Агапова Т.И. Кабинетское хозяйство 1747–1860-х гг. (Опыт социально-экономического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967.
4. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
5. Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962.
6. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Томск, 1985.
7. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
8. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963.
9. Кудрявцев Ф.А. Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII–XIX вв.: Доклад, обобщающий содержание научных трудов, представленных на соискание ученой степени докт. иссл. наук. Новосибирск, 1970.
10. Тыжнов И.И. Из истории горнозаводского населения на Алтае // Алтайский сборник. Барнаул, 1907. Вып. 6.
11. Топчий А.М. Крестьянская реформа 1861 г. в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979.
12. Тужиков В.А. Отмена крепостного труда мастеровых в горнозаводской промышленности Алтая // Труды ТГУ: Сб. научных трудов исторических кафедр. Томск, 1963. Т. 171.
13. Ядринцев Н.М. Крепостные традиции в Сибири // Сб. избранных статей. Красноярск, 1913.
14. Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1.
15. РГИА. Ф. 468. Оп. 18.
16. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 2.
17. ПСЗРИ-II. Т. 3. № 1960.
18. ЦХАФАК. Ф. 24. Оп. 1.
19. ЦХАФАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 260.
20. Свод законов Российской империи. Т. III.: Устав о пенсиях. СПб., 1857.